

Пир во время падения

«Я ОЧЕНЬ ВОЗБУЖДЕН» ПЕДРО АЛЬМОДОВАРА

Михаил Трофименков

НАЗВАНИЕ, достойное в лучшем случае американской молодежной комедии, заменило в прокате оригинальное и легкомысленное «Los amantes pasajeros». Принимая во внимание, что именно на борту терпящего бедствие самолета разворачивается практически все действие — или, если угодно, бездействие в лучшем смысле слова — фильма, то был бы уместен перевод «Мимолетные любовники». Жаль, впрочем, что у Альмодовара уже был фильм под названием «Возвращение» (2006). «Я очень возбужден» — это именно «возвращение», пусть даже «на честном слове и на одном крыле».

Возвращение духа мовиды, арт-сексуального карнавала, которым испанцы отметили конец ханжеской и жестокой диктатуры Франко в 1975 году: поэтом и иконой мовиды справедливо считается Альмодовар. Тот карнавал несколько затянулся — так ведь и диктатура длилась почти сорок лет, но в конце концов гуляки устали. Теперь они, постарев, но не повзрослев, вернулись на экран и ждут лишь повода пуститься во все тяжкие. А какой повод может быть лучше, чем реальная возможность разбиться в авиакатастрофе. Если это, конечно, просто катастрофа, а не конец света: ясновидящая пассажирка плетет что-то страшное, правда, в контакт с высшими силами входит, хватая пилотов за гениталии.

Возвращение Альмодовара к жанру комедии: с конца 1990-х пространство его фильмов неумолимо завоевывали какие-то патетические и недобрые исчадия духа. Альмодовару словно не удавалось справиться с проклятыми — семейными, сексуальными, возрастными — вопросами с той лихостью, с какой он разделялся с ними в эпоху «Нескромного обаяния порока» (1983), «Женщин на грани нервного срыва» (1988) или «Свяжи меня!» (1990). В «Коже, в которой я живу» (2011) на экране уже безраздельно царили, насаждая власть хаоса, вполне способные напугать выходцы из режиссерского подсознания. В их шестивии было безусловное величие — но величие, вызывающее недоумение. Неизбежно возник вопрос: «Что это было?» Свидетельство высшей степени режиссерской свободы, еще

недоступной зрительскому пониманию, или напыщенная растерянность стареющего режиссера, разучившегося говорить просто. «Я очень возбужден» — это почти что «Аэроплан!» (1980). Ведь после того как Джим Абрахамс с Дэвидом и Джерри Цукерами спародировали все фильмы об авиапассажирах перед лицом смерти, от эталонного «Аэропорта» (1970) до безусловно неизвестных пересмешникам советских лент «713-й просит посадку» и «Хроника ночи», любой фильм на эту тему не может быть ничем иным, кроме как комедией.

У самолета, выполняющего рейс Мадрид — Мехико, повреждены шасси, и он кружит в ожидании свободной посадочной полосы над Толедо. А полосы нет, потому что саммит и, кажется, еще потому, что коррупция. Экипаж состоит из геев и одного бисексуала. Но, как справедливо замечает — хотя и по другому поводу — еще одна пассажирка, экс-звезда порно, якобы обладающая компроматом на 600 первых лиц Испании: «С бисексуалами никто не может до конца быть уверен». Экипаж разыгрывает между собой драмы ревности и неумолимо надирается. Пассажирам второго класса подсыпали снотворное. А первый класс экипаж приглашает на свой пир во время чумы, развлекая байками об ужасах, порой случающихся с пассажирами. В отличие от американского канона фильма-катастрофы, где в решающий момент на борту кончается кофе, в аэробусе Альмодовара, напротив, обнаруживаются солидные — хотя, конечно, не такие, как в былые времена — запасы мескалина и прочих радостей, которыми экипаж, не жадничая, сдобривает фирменный «коктейль „Валенсия“». Летчики бесхитростно, но упоительно поют и пляшут.

Ясновидящей удастся забеременеть, изнасиловав спящего пассажира второго класса. Новобрачные бурно совокупаются. Бисексуал определяется. Наемному убийце надоедает убивать, банкиру — врать и воровать. Чудно, что среди рецензентов нашлись люди, увидевшие в фильме политическую метафору. Самолет — это Европейское сообщество. Поломка шасси — кризис. Второй класс — одурманенный народ, который сильные мира сего лишили права на жестокую правду. Первый класс, соответственно, те самые, «сильные» вырожденцы. Правда, для летчиков — а этодемиурги действия — в этой стройной псевдомарксистской схеме не нашлось социальной роли. А что касается кризиса, то, по Альмодовару, мир находится в состоянии перманентного кризиса, только благодаря чему и дарит сильные эмоции и радость жизни. Мир рухнет, но никак не рухнет — чем и прекрасен.

Это даже не столько комедия, сколько рождественская сказка, чью пушистую благость лишь усиливает экранная похабень без берегов. Как в лучшие альмодоваровские времена, все в жизни оказывается легко и просто. Главное — чтоб естественно, а в дизайнерском, неестественном мире Альмодовара естественно все. Любый секс. Любые радующие душу и бодряще туманящие сознание препараты. Любили бы люди друг друга, а как — неважно. Прорекламируй такое с экрана какой-нибудь, к примеру, француз — эта пошлая банальность таковой и останется. Только Альмодовару удастся исполнить мелодию из трех аккордов с истовостью испанского развратного монаха, не оставляющей сомнения в том, что он сам свято верит в то, что говорит и показывает.

В прокате с 24 мая

